

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В.В. Ванчугов

В поисках основ русского консерватизма.

Рецензия на: Contemporary Russian Conservatism. Problems, Paradoxes, and Perspectives. Mikhail Suslov & Dmitry Uzlaner (eds.).
Leiden: Brill, 2019. – 426 pp.

Ванчугов Василий Викторович – доктор философских наук, профессор. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, ГСП-1, Ломоносовский пр., д. 27, к. 4; e-mail: vanchugov@gmail.com

Статья содержит разбор конструктивных особенностей того образа нового консерватизма в России, который формируют для западной аудитории участники международной исследовательской группы, представившие сборник своих статей «Contemporary Russian Conservatism. Problems, Paradoxes, and Perspectives» (Leiden: Brill, 2019). Учитывая контекст, эмпирический материал и методологические стратегии, автор отмечает все те моменты в повествовании участников сборника, которые в совокупности проявляют основную «фиксацию» этой группы внешних наблюдателей «консервативного поворота» в современной России. Так, понимание российских реалий сводится ими исключительно к формату диа-монологического противостояния русских интеллектуалов и политиков Западу, как череда контрпроектов, начиная с XVIII в. Вследствие такой «оптики», «системы координат», российский консерватизм представляется как очередная коллективная заявка на интеллектуальный продукт, частично и успешно применимый внутри страны, но малопригодный для использования за её пределами, а потому он оригинальный по форме, но маргинальный по сути.

Ключевые слова: консерватизм, интеллигенция, Россия, Запад, Европа, вестернизация, модернизация, цивилизационный выбор, идентичность, идеология, философия

Для цитирования: Ванчугов В.В. В поисках основ русского консерватизма. Рецензия на: Contemporary Russian Conservatism. Problems, Paradoxes, and Perspectives. Mikhail Suslov & Dmitry Uzlaner (eds.). Leiden: Brill, 2019. – 426 pp. // Отечественная философия. 2023. Т. 1. № 1. С. 99–108.

В международном гуманитарном сообществе имеется научная серия Eurasian Studies Library. History, societies & cultures in Eurasia («Библиотека евразийских исследований. История, общества и культуры Евразии»). Редакторы серии – Д. Шорковиц (Институт социальной антропологии Макса Планка, Галле/Заале, Германия), до 2022 г. – Д. Схиммельпенник ван дер Ойе (1957–2022, Университет Брока, Сент-Кэтринс, Канада), а членами редколлегии числятся исламовед из Узбекистана Б. Бабаджанов, американский русист П. Бушкович, немецкий антрополог П. Финке, историограф с фокусировкой на Туркменистане С. Горшенина, бывший

российский олигарх, а ныне политэмигрант М. Ходорковский* и др. В 13-м выпуске этой серии опубликован коллективный труд «*Contemporary Russian Conservatism. Problems, Paradoxes, and Perspectives*» (Boston; Leiden: Brill, 2019) («Современный российский консерватизм. Проблемы, парадоксы и перспективы»).

Идея этого тома, как следует из пояснений издателей, возникла во время проведения международной конференции *Conservatism in the Post-Soviet Context: Ideology, Worldview, or Moral Choice?* («Консерватизм в постсоветском контексте: идеология, мировоззрение или нравственный выбор?»), состоявшейся 8–9 мая 2017 г. в Упсальском центре российских и евразийских исследований (Uppsala Forum on Democracy, Peace, and Justice). Сопутствующей успеху предприятия редакция отметила как поддержку этого центра (особенно профессора Е. Намли), так и Упсальского форума по демократии, миру и справедливости. В придании единого стиля – интернациональному и разноязычному – коллективу авторов постаралась М. Миллер, а финансовую помощь оказал проект «Постсекулярные конфликты» (Postsecular Conflicts), финансируемый Австрийским научным фондом и Европейским исследовательским советом.

Стоит отметить, что незадолго до издания «*Contemporary Russian Conservatism. Problems, Paradoxes, and Perspectives*» из печати вышел похожий по проблемному полю труд «Новые консерваторы в России и Центральной и Восточной Европе» (New Conservatives in Russia and East Central Europe, New York, 2019), под редакцией К. Блюм и М. Варги. Но здесь я остановлюсь на передаче своего впечатления от прочтения сборника, вышедшего под редакцией М. Сулова и Д. Узланера. Ими отмечается, что область исследования данной группы примыкает к растущему объёму публикаций о радикальных (или «крайне») правых в России и других странах, но упор их командой делается на историческую и культурную специфику России, на указание и обоснование важности как советского, так и имперского наследия, что объясняет своеобразие русского консерватизма как идеологии с богатой интеллектуальной традицией и ощутимым влиянием на сегодняшнюю глобальную политику.

Подготовленный совместными усилиями материал разбит на 6 разделов: часть вступительная (идеологическо-методологическая); концептуальный аспект консерватизма; русская консервативная традиция в постсоветском и международном контексте; геополитическое измерение; исторические и мемориальные повествования в русском консерватизме; религия и традиционные ценности. Деление отвечает поставленным задачам и имеет монографический характер, равно как и учебно-методический. В данной работе есть алфавитный указатель имён и терминов, что позволяет вероятному потребителю получить предварительное представление о проблемном поле и социуме, которые описаны, структурированы и представлены для зарубежной аудитории коллективом авторов. У меня этот указатель при первом предварительном ознакомлении создал впечатление, что данный сборник вроде бы не предназначен стать очередным «ментальным бестиарием», которым порой принято забавлять западную аудиторию. Так оно и оказалось при последующем внимательном прочтении.

Каждая глава в сборнике имеет вводную методологическую часть и итоговые выводы, между ними порционно подаётся эмпирика и аргументы, всё это сопровождается постраничными примечаниями и завершается списком литературы, иногда чрезмерно большим и разнообразным. При эссеистичности материала большинства статей авторов сборника данный алгоритм (вступление – эмпирика, аргументы – выводы, библиография) приближает все эти тексты к формату учебного пособия, научпопа с серьёзными намерениями, лёгкой информационно-аналитической справки

* По решению Минюста России включён в реестр физлиц, исполняющих функции иностранного агента.

для аудитории, далёкой от происходящего (как политически, так и географически), и не имеющей соответствующего культурного контекста.

Что же открывается читателю, который решится пройти по текстам в той последовательности, в какой они представлены в сборнике, решившегося узнать о современном российском консерватизме? Можно предположить, что он окажется преимущественно в руках тех, кто ещё помнит Россию «коммунистической державой», в то время как другая часть знает эту реальность лишь по учебным пособиям, и данный сборник им предстоит освоить в ходе курса условного «россиеведения» на уровне бакалавриата или магистратуры. Так что читать сборник добровольно, вероятно, станут интеллектуалы с большим жизненным опытом и долгой памятью, да подневольные студенты, чтобы набрать зачётные баллы по курсу политологии в рамках Russian Studies. И хотя потенциальная зарубежная аудитория читателей не только специфична, но и малочисленна, проделанный авторами сборника труд всё же не напрасен.

Вводная его часть состоит из двух работ и открывается статьёй редакторов сборника М. Сулова и Д. Узланера «Дилеммы и парадоксы современного российского консерватизма». Из этой части становится известно, что в намерениях авторов было представить публике всестороннее исследование постсоветского консерватизма в России, проделанное ситуативным объединением россиеведов, представляющих различные дисциплины, такие как история, философия, социология, культурология, религиоведение, политология. При междисциплинарном подходе и вариациях академической специализации, коллектив в данном ситуативном исследовании объединяет концептуальная платформа: поскольку Россия всегда была и остаётся в своей новейшей истории многонациональной страной, которой присуще наличие «ядра» и составных частей, имеющих различные культурные традиции и соответствующие идеологические концепции, то усилия фокусировались на интеллигенции, той её части, которая отождествляла себя с русским «ядром», что и позволяет представить происходящее в России как «консервативный поворот» на постсоветском пространстве».

Также авторам видится в России растущий спрос на идеологию, основным элементом которой могла бы стать фиксация на изоляционизме и традиционализме в формировании новой идентичности, а периодом, когда политическое руководство обратилось к консерватизму, указывается 2007–2012 гг., хотя и оговаривается при этом, что элементы подобного умонастроения всегда присутствовали в публичных дебатах и официальных дискурсах постсоветской России. Также особо отмечается, что с конца «нулевых» российское руководство позиционирует себя как внутри страны, так и вовне как решительный сторонник умеренного консерватизма, ценитель и гарант стабильности, прогрессивных изменений при опоре на традиционные ценности. При этом отмечено также, что оно имеет в своём арсенале модификации консерватизма, с ориентацией на: а) внешнюю и б) внутреннюю аудиторию, что проявляется то как разработка серии семинаров, организованных «Единой Россией» для своих активистов, для внутреннего потребления, то как серия критических заявлений в сторону Запада, осуществляемая с оглядкой на политическую реакцию внешней аудитории.

Не довольствуясь констатацией сложности описываемого явления, участники исследовательского проекта исходят из «неустойчивости концептуального ядра» русского консерватизма, что делает его подверженным концептуальным крайностям, а то и эмоциональному пребыванию на грани срыва. Всё это требует объяснения внешней аудитории, и потому авторы сборника полагают, что способом, облегчающим решение проблемы, станет указание на особенности истории России. Таковыми им видится положение России как периферийной империи, борющейся за признание со стороны «Другого», конструируемого преимущественно как «Запад»; всеобъемлющая и самостоятельная вестернизация сверху вниз, которую страна пережила в XVIII в.; геополитическая модернизация в советское время,

представшая как радикальный разрыв прежней исторической традиции; формирование постсоветского полуавторитарного режима на основе эволюции имперской мифологии. Всего редакторы сборника насчитывают шесть ключевых проблем и дилемм, характерных для российского консерватизма в целом, которые делают его принципиально неустойчивым, формируют его как состояние сознания не только сложное, но и странное.

Первая, вводная часть книги включает в себя не только методологические рефлексии редакторов, в которых устанавливаются общие теоретические основания подхода к феномену консерватизма в России, но и главу «История русского консерватизма с XVIII века до конца XX века». Здесь вкратце реконструируется исторический контекст «консервативного поворота», представлена ретроспекция консерватизма в России (М. Лукьянов, К.Й. Мьёр (K.J. Mjør), С. Рабоу-Эдлинг (Susanna Rabow-Edling) и М. Суслов). Эта глава претендует на краткий исторический обзор российской консервативной идеологии за последние два столетия. Однако XVIII в. только заявлен, упомянуты Феофан Прокопович и М. Щербатов, но вся «история» строится на основе избирательного толкования фрагментов XIX в. с выходом на следующее столетие. В итоге консервативная мысль в России представлена в этой статье такими периодами, как просвещенческий, романтический, пост-реформенный, консерватизм на закате империи и консерватизм в изгнании.

Несмотря на разрывы в идеологической генеалогии консерватизма и изменившиеся социальные и политические контексты, авторы ретроспективного экскурса убеждены в том, что всегда существовало ядро консервативных идей, которые под разными именами сохранялись на протяжении последних двух столетий. Также отмечается ими и наличие противоречий внутри движения, разности взглядов по ключевым темам. Например, отечественные консерваторы могут настаивать на «государственности» то в большем, то в меньшем объёме, в зависимости от того, хотят ли они подчеркнуть геополитическую мощь России перед лицом внешней (западной) угрозы или же подвергнуть критике модернистские устремления самого государства, впавшего в соблазн модернизации на западный манер, действующего вопреки традиционализму его населения. Но подобного рода конструкций авторы данной статьи могут производить сколь угодно много, поскольку они опираются, как видно из прагматичного подбора материала, на своё «конструирование» российской истории. Именно этот фрагмент сборника (исторический экскурс) является самой слабой его частью. Пытаясь понять современный консерватизм, полезно знать обстоятельства, ему предшествующие, историю России, однако авторы, имея сведения из прошлого России, избирательно черпают из интеллектуальной истории, истории идей.

Во втором разделе сборника представлены рассуждения трёх авторов. М. Суслов («Русский консерватизм как идеология: логика изоляционизма») повествует о наличии циклов воспроизводства в разных форматах консервативного идеала, в зависимости от контекста (условий места и времени), проявляющего себя различными смыслами, предстающего идеологией того или иного оттенка, но по сути своей проявляющейся как установка властного сознания, претендующего на упорядочивание традиционных ценностей в формат консервативной доктрины с широким спектром применения.

Д. Узланер в своём описании логики поиска – метафорически – «козла отпущения» в современном российском консерватизме – в моральном аспекте, представляет итоги «поворота к традиционным духовно-нравственным ценностям», зафиксированного в отечественной политике в 2012 г., отчего вопросы морали, ценностей и цивилизационного своеобразия вышли на первый план социально-политических дискуссий. Сюжетная линия консервативного нарратива в описании Узланера чрезвычайно проста, даже примитивна: все басни и былички доморощенных неоконсер-

ваторов основаны на том, что враги – пользуясь разными поводами – снова окружают в надежде разрушить давно уже «осаждённую крепость» в виде традиционной семьи, привычного и приличного уклада жизни, «культурно-духовной самобытности», «цивилизационного своеобразия». При этом только часть врагов – извне, подавляющее же большинство их – внутри, готовых в любой момент открыть неприятелю ворота или сообщить ему потайные ходы для проникновения. Он называет эту сюжетную линию «метанарративом морального консерватизма», который проявляется в разного рода сюжетах, например, в продвигаемой в России «ювенальной юстиции» и противодействии ей со стороны некоторых лиц и организаций.

Далее К. Блум (Katharina Bluhm) осмысляет современный российский консерватизм в контексте постмодерна и модерна, обращая внимание как на терминологический аппарат изучаемого сообщества, так и на определённый антропологический тип. В итоге появляется образ «концептуального идеолога», в основе которого – интеллект, содействующий консерватизму новой формации разного рода текстами (аналитическими, программными, декларативно-манифестационного типа и пр.), превращая этого рода активность (благодаря высокому положению в обществе, включению в аналитические центры, фонды, консультативные советы и средства массовой информации) в главный источник средств к существованию. В общем, интеллект при власти.

Несмотря на близость к власти интеллектуалов-консерваторов, было бы неправильно, уточняет Блум, рассматривать их как простые «инструменты Кремля», поскольку реальное отношение новых российских консервативных идеологов к политической власти не просто сложное, но оно и не лишено напряжённости. Главный актер, пребывающий в Кремле, кремлёвский демиург нового мирового порядка, в своих попытках создать российскую «мягкую силу» на международной арене, всё же не полагается исключительно на политический консерватизм, использует другие – родственные, но не идентичные – концептуальные конструкции и идеологические структуры («Русский мир», русское православие, вновь представшее миру «в симфонии» с государством). А потому, как видится автору, несмотря на публичный поворот Путина в 2011–2013 гг. в сторону консервативных ценностей и сопутствующей им философии, он не до конца возвёл обновлённый консерватизм в ранг официальной идеологии государства, предпочитая придерживаться политического прагматизма. Тем не менее, при всех сложностях взаимоотношений и процесса, совокупными усилиями формируется образ России как самобытной цивилизации, хотя и транслируемый миру посредством привычного уподобления через образ «иного», «соперника» – Россия как «Другая Европа». При этом новый российский консерватизм не просто подчёркивает особенность или уникальность российских духовных ценностей и материальной культуры, но и сочетает это с возрождением высокой миссии, участия России (или даже руководства) в «Консервативном Интернационале», куда будет включён и преодолеваемый – цивилизационно – Запад. И власть, не принимая подобные проекты в чистом виде, всё же испытывает симпатии как к самим концептам, так и к их ментальным конструкторам.

Третий раздел сборника начинается с представления российских «младоконсерваторов», что делается – знающим их не опосредованно, не по книгам и «интернетам», а по жизни – А. Павловым. Имея ясное представление об идеях и продуцирующих их людях, порой весьма своеобразных, вплоть до гротеска, автор всё же удерживается от сарказма. Тот факт, что русские публицисты воспользовались для самоидентификации немецким термином ещё начала XX в., ориентирует автора на необходимость выявить общее между идеологами той поры и нашего времени. Первое, что их объединяет, – это реакция на революцию; далее, оба движения сформировались как круг правых интеллектуалов, придерживающихся националистической платформы (а именно на этом фундаменте был преимущественно построен

русский младоконсерватизм), критикующих либерализм в его местных версиях. Но кроме сходств есть и различия: изначально, выступая против хаоса 1990-х, наши младоконсерваторы выступали за национализм и империю. Они считали русскую нацию исключительной ценностью, а потому целью России должно быть создание государства, в котором русский народ играл бы решающую роль. Но позже, в середине 2000-х, когда имперский дискурс стал ассоциироваться уже с внешней политикой США, они отказались от идеи «империи» и перешли к более жёсткой версии национализма, но не этнического, а гражданского, государственнического, так сказать. Однако зарождаясь как движение молодых идеалистов, желавших изменить мир к лучшему, новый консерватизм по мере взросления осознаёт, что его идеализм – всего лишь очередная утопическая картина, которая создаётся игрой воображения, и под видом умного делания представляет большей частью лишь благочестивые эмоции. Осознавая это малополезное умонастроение, иные взрослеют, становясь при этом расчётливыми прагматиками, в редких случаях сохраняя верность прежним идеалам, другие же продолжают свои ребяческие игры до глубокой старости.

А вот М. Ларюэль (Marlene Laruelle) предлагает посмотреть на наших консерваторов в сопоставлении их с заокеанскими, устроив своего рода игру зеркальных отражений, наложений образов, – сопоставлений менталитетов российских и американских консерваторов. Ведь наряду с национальными консервативными проектами в публичном пространстве декларируется и глобальное консервативное движение – равно как либеральное. Впрочем, в отличие от либерального мегатренда, доктринальная согласованность транснационального радикального консерватизма ещё не достигнута. Если и можно выделить несколько моментов концептуально-эмоционального созвучия, согласия между российской и американской версиями перспектив транснационального движения, преобладает всё же в реальности национальная локализация данных форм сознания и типов идеологии. Они самодостаточны, пребывают «сами по себе», довольствуются своим самосознанием и бытием. Так, для приверженцев российского или американского радикального консерватизма другая сторона, страна, часть света («РФ», «США») практически отсутствует в их мировоззрении, которое, как правило, сосредоточено на собственных, внутренних проблемах. И в решении этих проблем они готовы даже к геополитической вражде.

Немногочисленные индивидуальные связи между российскими и американскими радикально-консервативными фигурами слабы и незначительны по сравнению с русско-европейскими, которые демонстрируют более высокий уровень идеологических рефлексий, имеют длительные личные связи и сотрудничество, оформленное документально и институционально. При этом автор отмечает успехи в этом деле православной церкви, которая успешно возглавила или по крайней мере стала ключевым участником нового транснационального «морального Интернационала», который, вероятно, сохранит открытыми каналы связи с американскими христианскими правыми, несмотря на имеющуюся геополитическую напряжённость. Христианско-консервативные ценности становятся простой и хорошо согласуемой основой для развития сотрудничества, поскольку они закреплены в самой социальной ткани России и США и не требуют каких-либо сложных доктринальных разработок, согласований. Общий же вывод таков: хотя в последние годы Россия и стала заметным экспортёром на Запад консервативных доктрин, тем не менее этот экспорт нацелен больше не на Штаты, а на Европу, где он достиг значительного успеха, причём Европа становится доктринальным посредником, идейным медиатором между Россией и США. Так что «европеизация» отечественного консерватизма гораздо более существенна и продуктивна для нас, чем «вестернизация» в смысле прямого подражания Штатам на доктринальном уровне. В общении с Европой российский

консерватор обретает своё новое «я», в то время как в диалоге с США он не только не обновляется, но и рискует утратить всё своё прежнее.

Четвёртый блок начинается с рассмотрения А. Куранович признаков и оснований для претензий России на свою исключительность в современном мире и геополитический консерватизм. Отметив склонность думать, что «мы особенные» как умонастроение, распространённое среди разных народов, и что подобное чувство национальной исключительности не обязательно является чертой консервативной повестки дня, сотрудница Института международных отношений Варшавского университета всё же свои рассуждения строит исходя из того, что в российском консервативном нарративе тезис об исключительности её пути занимает видное место. Таким образом, применительно к нашим реалиям, можно говорить о «консервативной исключительности», да ещё и непременно с привязкой к геополитике. Новый русский консерватизм, как и консерватизм России имперского периода, имеет геополитические корни. Геополитический аспект является центральным в чувстве исключительности россиян, поскольку для них статус страны как крупной державы является и показателем особой роли в истории. Поэтому автор и решает сосредоточиться на тех аспектах консервативных взглядов, которые связаны с геополитикой, на том, что она называет «геополитическим консерватизмом», принимая во внимание сопутствующие и важные последствия для внешнеполитического курса России, определяемого как преобладание консервативной повестки. Также здесь обращается внимание на такой аспект консервативной исключительности в геополитическом аспекте, как чувство особой, всемирной миссии, проявляемый как индивидуальный и коллективный императив действовать и преобразовывать реальность, с установкой на изменение международного порядка, а то и претензию на новый мировой порядок. Такого типа консервативное миссионерство, сопряжённое с религиозно-политическим мессианством, как видится автору, составляет неотъемлемую черту русского консерватизма, который возник как реакция на внешнее давление Запада. Характерный для русской традиции «мессианский» нарратив имеет консервативный характер, поскольку ориентирован прежде всего на сохранение то и дело нарушаемого Западом нашего порядка, образа жизни. А потому автор сосредоточен в своём обзоре на анализе «мессианских» ролей России, содержащихся в официальном нарративе современной дипломатии Москвы. В итоге читатель получает перечень выявленных «миссий России»: хранительница ценностей (христианских, марксистских, социальной справедливости и т.д.); спасительница мира от зла (капитализма, фашизма и прочего); объединяющая сила Северной Евразии (Святая Русь, Русский мир); сила, позволяющая осуществить идеалы (христианский, коммунистический, гуманный). Все эти миссии предполагают, что порядок будет восстановлен, и его сохранение примет стабильный характер. Все те роли, на которые претендует Россия в XXI в., напоминают автору те претензии на исключительность, которые декларировали и в Российской империи. Однако современный «мессианский» нарратив – не манипуляция набором архаичных воззрений, вынутых из архива, а адаптация концептов к новым обстоятельствам, концептуальная гибкость русского консерватизма, демонстрируемая им как в прошлом, так и в настоящем, что автор наблюдает в поведении и заявлениях российских дипломатов, которые, говоря о статусе России и её действиях, исходят из точки зрения дарованных ей «мессианских» ролей. И в прошлом, и в настоящем консервативная повестка дня выступает против доминирования Запада. Так что консервативный поворот сопровождается активацией императива действовать в соответствии со своей исключительностью, особой миссией, и потому-то россиянин на международной арене предстаёт в образе хранителя, защитника, спасителя, благородной силы, гаранта стабилизации международной системы и восстановления справедливого порядка.

Конструирование образа современного консерватора на основе ментальной заикленности России на Западе продолжена и в статье Е. Гришаевой, где в качестве эмпирики выбрана «антизападная критика» такого консервативного сегмента, как церковь и религиозные деятели, проявляющие себя в формате онлайн, или, другими словами, выводы делаются на основе изучения идеологических дискурсов антизападной критики на православных сайтах, таких как *patriarchia.ru*, *vrns.ru* и *ruskline.ru* за период с марта 2009 по январь 2016 г. В итоге интернет-пространство православного мира предстаёт в различных консервативных модуляциях. Например, московская Патриархия демонстрирует осторожную критику Европы, основанную на философских и богословских аргументах, так что в рамках трёх узловых дискурсов: секуляризма, индивидуализма и морального плюрализма – преобладает академический тон, и потому в полемике с европейским сообществом демонстрирует атмосферу объективности, хотя бы её видимость. А вот критика западного мира в полуофициальных и периферийных православных СМИ смещается с вопросов морали на политику. Здесь антизападная критика ведётся по таким направлениям, как геополитическое противостояние Европы и России, духовно-нравственный кризис в Европе и миссия России по отношению к Европе.

При этом авторы используют более сильные выражения, а то и вовсе оскорбительный тон. Они предпочитают использовать идеологически окрашенные термины вместо нейтральных (например, не «Европа», а «загнивающий Запад»). На основе своего массива данных автор делает вывод, что по сравнению с «центром» полуофициальные и периферийные консервативные авторы больше озабочены не моральными и духовными проблемами «Запада», а политическими вопросами, которые возникают на фоне взаимодействия двух миров: России и Запада.

По ходу описания особенностей современного консерватизма в России авторы сборника то и дело упоминают различных его представителей. Но только один из них удостоился особой чести – отдельной статьи в исполнении И. Карлсон («От экспансии к замкнутости и обратно: изоляционизм Бориса Межуева и его корни у Солженицына и Цымбурского»). Изоляционистская идея, как видится автору, постоянно присутствует в политических произведениях Б. Межуева, который также демонстрирует свою концептуальную привязанность к Солженицыну и Цымбурскому. Однако автор достоинством своего исследования считает доказательство того, что «младоконсерватор» не только выступает в качестве передатчика и популяризатора своих предшественников, но и активно использует их нарративы для развития собственных идей. Что до последних, то Карлсон высказывает предположение, что герой её повествования питает надежду на влияние на внешнюю политику Кремля, пытаясь быть при помощи круга идей Солженицына и Цымбурского созвучным ситуативной идеологии и изменчивой практике России на международной арене.

В предпоследнем разделе сборника К.Й. Мьёр (K.J. Mjør) пытается воспрепятствовать претензиям России на наличие долгой истории, воспринимая концепт «тысячелетняя история России» как политизированную мифологию, безосновательную претензию на прошлое современной российской консервативной мысли. Почему в сегодняшней России так широко распространено утверждение, что страна имеет «тысячелетнюю историю»? Ответ автора примерно таков, по своей сути: от имперских тревог по поводу своего не то утраченного, не то мнимого наследия. В словах и поступках широкого круга россиян усматривается стремление показать, что им действительно есть что сохранять, в то время как внешним наблюдателям видится лишь маниакальная потребность в изобретении богатых традиций, чтобы их защищать, опираясь на длительную историю. В итоге вместо реального и плодотворного преобразования России в реальном настоящем местный консерватор направляет всю активность современников на сожительство с воображаемым, с мнимо-великим

и «долгим» прошлым. Такова суть всей новой консервативной революции. На темпоральных перекосах сознания россиян, на культуре прошлого и памятных местах как знаках долгой истории, сфокусировался и П.-А. Боден (P.-A. Bodin), задействовав для рассуждений и памятник великому князю Владимиру в Москве (правитель, крестивший древнюю Русь), и кинофильм, пытаясь при помощи разного рода артефактов 2016 г., эпизодов культурной политики и политики памяти показать проблемные зоны современного консерватизма.

Последняя часть сборника состоит из глав, в которых обсуждается религиозное измерение российского консерватизма: «Восточное православие, консерватизм и (нео)паламитская традиция в постсоветской России» А. Шишкова; «Русский неоконсерватизм и апокалиптический империализм» В. Шнирельмана; «Обрамление “гей-пропаганды”»: аргументы политики морали и Русская православная церковь» К. Хилл. Первый автор показывает, что для религиозных консерваторов ключевую роль играет понятие традиции, и фиксирует две основные модификации «традиции» в богословском применении: критическую и романтическую; второй автор сосредоточен на политическом аспекте богословия, которое обнаруживают консервативные деятели, а у третьего представлен анализ аргументации православных священнослужителей относительно законов, запрещающих пропаганду однополых отношений среди несовершеннолетних, и на основе своих опросов священнослужителей автор выделяет два фрейма всех их разговоров о гомосексуализме: морально-религиозные и светские аргументы, претендующие на согласие с рациональной, научной точкой зрения.

С помощью представленных материалов авторы сборника «Современный российский консерватизм. Проблемы, парадоксы и перспективы» попытались сделать академический обзор консерватизма за последние 30 лет. Замысел хороший, правильный, реализация не блестящая, но и не сказать, что плохая. Много при оценке здесь зависит от контекста, потребителя данной продукции. Получит ли зарубежный читатель ясное, адекватное представление о современном ландшафте российского консерватизма, а также о глубинных процессах, предопределяющих его неизбежные мутации, – покажет будущее. Получится ли это у российского читателя? Если и будет для него что-то новым, так это явная и напористая попытка авторов представить российский консерватизм новейшего времени как своего рода невроз, когнитивно-эмоциональный разлад с самим собой на фоне доставшегося из прошлого непрерывного соперничества с Западом. Для западного человека всё же так и останется загадкой, как ему относиться к русскому консерватизму: это опасность или нет? Нечто полезное для внутреннего потребления (в ограниченных дозах) в России, но бесполезное для трансграничного применения, а потому безвредное для его мира?

Обсуждение консерватизма в России в последнее время было делом трудным. Значительная часть интеллектуального сословия в России, в очередной раз догматически приняв леволиберальный дискурс, фанатично блокировали «иные нарративы». Но авторы сборника всё же представили другой тип исследовательского и повествовательного поведения. Для российской аудитории сборник не даёт существенного приращения знания, зато внушает оптимизм, что обсуждение консерватизма, возможно, будет обретать более академический, а не публицистический формат.

Список литературы

- Contemporary Russian Conservatism. Problems, Paradoxes, and Perspectives. Mikhail Suslov & Dmitry Uzlaner (eds.). Leiden: Brill, 2019. 426 pp.
- New Conservatives in Russia and East Central Europe. Katharina Bluhm, Mihai Varga (eds.). New York: Routledge, 2019. 322 pp.

Looking for Foundations of Russian Conservatism.

Review on: Contemporary Russian Conservatism. Problems, Paradoxes, and Perspectives. Mikhail Suslov & Dmitry Uzlaner (eds.).

Leiden: Brill, 2019. – 426 pp.

Vasily V. Vanchugov – Doctor of Sciences in Philosophy, professor. Lomonosov Moscow State University. 27, bldg. 4, Lomonosovskiy Av., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: vanchugov@gmail.com

The article analyzes the design features of the image of new conservatism in Russia, which is formed for the Western audience by the international research group that presented its collected papers “Contemporary Russian Conservatism. Problems, Paradoxes, and Perspectives” (Boston; Leiden: Brill, 2019). Taking into account the contextual moments, empirical material and methodological strategies, the author notes all those moments in the narration of the participants of the collection, which together show the main “fixation” of these external observers of the “conservative turn” in modern Russia. The authors of the considered book reduce the understanding of Russian realities to the format of the diamonological opposition of Russian intellectuals and politicians to the West, presenting it as a series of counter-projects, starting from the 18th century. As a result of such an “optics” (or “coordinate system”), Russian conservatism is presented as another collective application for being an intellectual product, partially and successfully applicable within the country, but unsuitable for external use, and therefore Russian conservatism is presented as original in form, but marginal in essence.

Keywords: conservatism, intelligentsia, Russia, West, Europe, Westernization, modernization, civilizational choice, identity, ideology, philosophy

For citation: Vanchugov, V.V. V poiskakh osnov russkogo konservatizma. Retsenziya na: Contemporary Russian Conservatism. Problems, Paradoxes, and Perspectives. Mikhail Suslov & Dmitry Uzlaner (eds.). Leiden: Brill, 2019. – 426 pp. [Looking for Foundations of Russian Conservatism. Review on: Contemporary Russian Conservatism. Problems, Paradoxes, and Perspectives. Mikhail Suslov & Dmitry Uzlaner (eds.). Leiden: Brill, 2019. – 426 pp.], *Otechestvennaya filosofiya [National Philosophy]*, 2023, Vol. 1, No. 1, pp. 99–108. (In Russian).

References

Contemporary Russian Conservatism. Problems, Paradoxes, and Perspectives. Mikhail Suslov & Dmitry Uzlaner (eds.). Leiden: Brill, 2019. 426 pp.

New Conservatives in Russia and East Central Europe. Katharina Bluhm, Mihai Varga (eds.). New York: Routledge, 2019. 322 pp.